

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
(Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

РАСШИРЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация. Удельная собственность просуществовала в России 120 лет, и в 1797–1863 годах в нее включались удельные крестьяне. В исследованиях остается слабо изученной тема расширения удельных владений как в целом по стране, так и в отдельных регионах именно по периоду бытования категории удельных крестьян. Анализ выявленных архивных документов показывает, что за первые тридцать лет существования удельное ведомство купило в Вологодской губернии три дворянских поместья. В марте 1804 года оно совершило наиболее крупную сделку в губернии, купив вотчину княгини В. А. Шаховской. Тем самым ведомство заметно увеличило численность удельных крестьян в Сольвычегодском уезде и создало владения в Великоустюгском уезде. За счет приобретения в том же году поместья Ф. Соколовой удел на треть умножил число своих крестьян в Вологодском уезде. После приобретения имения князя Щербатова в 1824 году почти на пятую часть выросла численность удельных поселенцев в Кадниковском уезде и были сформированы две новые удельные волости в Грязовецком уезде. Купленные имения не только увеличили удельную собственность в Вологодской губернии, но и внесли некоторые изменения в жизнедеятельность удельной деревни. Материалы статьи актуализируют необходимость выявления и исследования всех случаев приобретения угодий и крестьян, в том числе и по отдельным регионам России.

Ключевые слова: Вологодская губерния, удельные владения, удельные селения, удельные крестьяне, покупка имений, наличные души, окладные души

Для цитирования: Котов П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху феодализма основным производящим слоем населения России выступало крестьянство, которое подразделялось на категории и отдельные группы. Одной из основных категорий сельских тружеников являлись крестьяне, принадлежавшие царской семье и управляемые через дворцовое ведомство [3], [4], [13]. По указу Петра I от 5 апреля 1797 года дворцовая собственность отделялась от прочей и преобразовывалась в удельную; взамен дворцовых поселенцев формировалась новая категория сельских жителей – удельные крестьяне. При этом императорская семья оставалась верховным собственником удельных владений и крестьян. Между ее членами распределялись все доходы, получаемые от новой собственности. Тем не менее непосредственное управление владениями и крестьянами

возлагалось на Департамент (министрство) уделов. При этом удельное ведомство получило право, подтверждаемое и в последующих законах¹, приобретать у других собственников в пользу удела недвижимость и крестьян, прежде всего у помещиков.

Ряд проблем истории удельной деревни и удельной собственности нашел отражение в научных трудах. Однако вопрос о расширении удельных владений остается почти не изученным, в том числе и в региональных работах, включая по Европейскому Северу России² [5], [6], [7]. В лучшем случае обращалось внимание на так называемый симбирский обмен [2: 124–128], [12]. По нему в середине 1830-х годов относительно незначительные владения удела и малочисленные удельные крестьяне в 18 губерниях страны были обменяны на государственные

ных крестьян и казенные владения в Симбирской губернии. В ходе обмена удел получил на 17,7 тыс. меньше сельских работников, но в четыре раза больше земли, чем передал казне: получил 2,711 млн десятин (далее – дес.), передал 0,745 млн дес.³

В предлагаемой статье на основе вновь вводимых архивных источников предпринята попытка анализа расширения уделных владений на примере Вологодской губернии. В Архангельской губернии такая практика не бытова в силу отсутствия в ней помещичьих имений и значительной земельной собственности у купцов.

* * *

Изначально уделное имущество и крестьяне Вологодской губернии были подотчетны Архангельской уделной экспедиции, одной из девяти уделных экспедиций, созданных в регионах России в 1797–1798 годах. По «Положению о Департаменте уделов» от 1808 года на Севере были сформированы самостоятельные Архангельская и Вологодская уделные конторы (имения). В 1858 году они были соединены в Вельскую уделную контору (имение). В рамках упомянутых экспедиций и контор (имений) на правах низовой крестьянской выборности и самоуправления были сформированы уделные приказы и отделения (см. карту). По законам 1797–1798 годов в границах приказов следовало объединить территории, на которых проживало 3 тыс. ревизских душ. В случае если душ насчитывалось меньше, оформлялось уделное отделение. После 1808 года в рамках приказов стали объединять значительно большее число крестьян – 4, 5 и более тыс. душ. При этом в Вологодской губернии произошли существенные изменения границ уделных приказов и отделений⁴ [9: 103], [10: 18–19].

«Выборные» из крестьян – приказные головы, казенные и приказные старости и писари осуществляли сбор разнообразных денежных поштатов и отправление натуральных повинностей. Им вменялся и ряд других функций. Отдельные элементы этих функций, но главное – распределение земельных угодий между крестьянами, укоренились в издавна сформированных общинах. Подавляющая часть уделных крестьян Вологодской губернии объединялась в рамках сложных общин, которые состояли из нескольких, иногда десятка, уделных поселений. Такие сложные общины именовались по-разному: волость, приход, боярщина, десятина, сотня, деревня. Постепенно эти разнообразные названия изживались и заменялись понятием «волость». Приведенное отступление необходимо для бо-

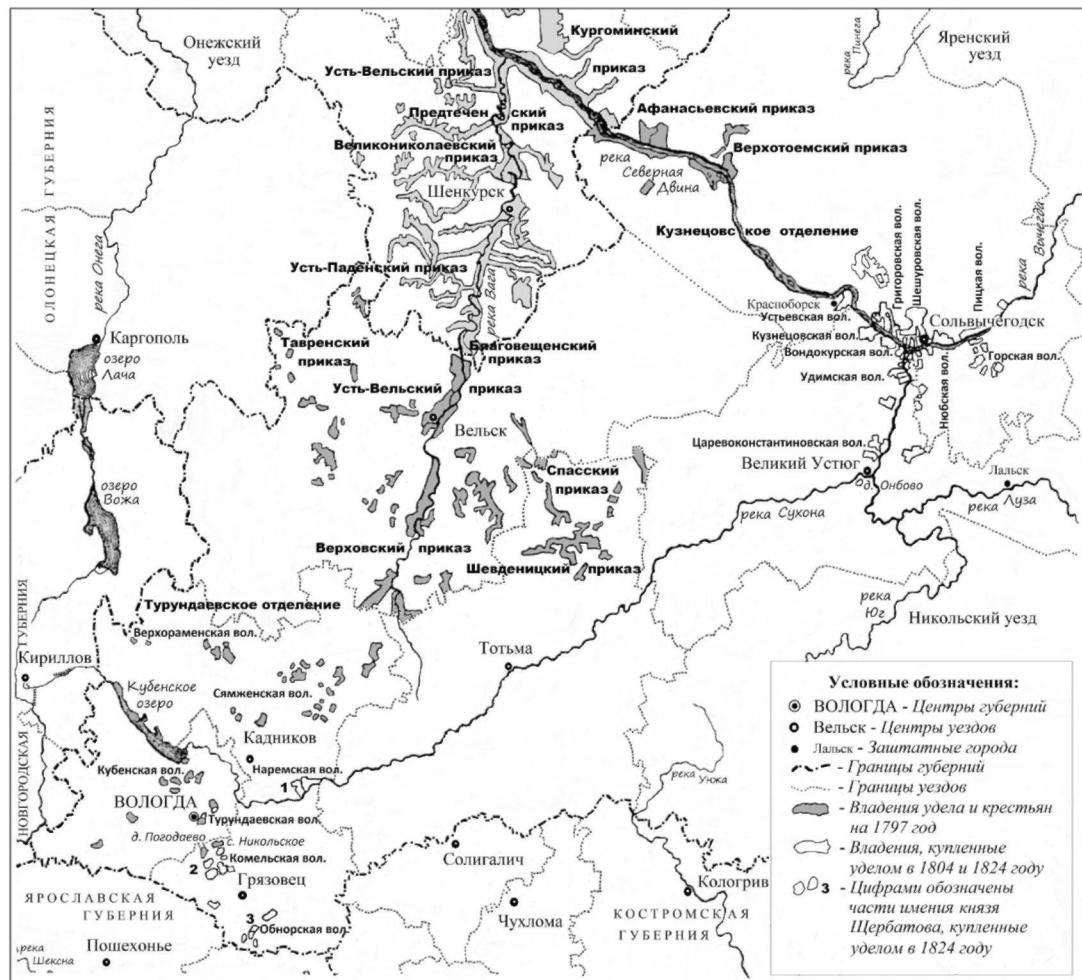
лее четкого представления о структуре местного уделного управления и для верного понимания представленных материалов.

22 июня (4 июля) 1803 года в Департамент уделов поступило прошение от княгини Варвары Шаховской (1748–1823) с предложением о продаже «родовой вотчины с крестьянами» в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах Вологодской губернии⁵. Это поместье в числе других она обрела по наследству от отца Александра Григорьевича Строганова (1698–1754), богатейшего человека своего времени, выслужившего чин действительного тайного советника и получившего титул барона из рук Петра I. В 1763 году Варвара Александровна вышла замуж за сподвижника А. В. Суворова генерал-лейтенанта, князя Бориса Григорьевича Шаховского (1837–1813), брак был неудачным и фактически распался после рождения дочери Елизаветы в 1773 году. Отныне каждый из супругов во многом самостоятельно стал распоряжаться своей собственностью.

Нуждаясь в средствах, необходимых (после смерти дочери в 1796 году) на воспитание внучки Варвары (1796–1870) и на благотворительность, княгиня Шаховская решила продать одно из отдаленных имений. Владения, определенные на продажу, располагались по обоим берегам в низовьях рек Сухоны и Вычегды и в верхнем течении реки Северная Двина (см. карту). После предварительного согласия в июле 1803 года в Департамент уделов была представлена «Подлинная грамота с приложением красной вислой печати на пергаментном листу 7128 году февраля 27 дня (7 марта 1620 года. – К. П.) именитым людям Строгановым на устюжские и усольские вотчины». К ней прилагались «выписи», «планы на земли» и другие документы от 1565, 1588, 1617 и 1687 годов⁶.

В ходе рассмотрения чиновниками материалов выяснилось, что к покупке предлагалось свыше 26 тыс. дес. разработанных угодий, леса и «неудобий». Здесь в 44 деревнях Сольвычегодского уезда «проживало наличных» 451 мужчина и 525 женщин, в 42 селениях Великоустюгского уезда – 521 мужчина и 582 женщины, еще один крепостной находился «в отлучке», двое – в качестве дворовых у барыни в Санкт-Петербурге⁷.

Одновременно в Сольвычегодском уезде в границах владений княгини Шаховской были выявлены деревни Окуловка и Нероновская, основанные «от века» половниками. В первой из них реально проживало 19 мужчин и столько же женщин, в другой – пять мужчин и семь женщин⁸. Наряду с этим оказалось, что по предыдущей ревизии в имении мини-

Владения удела в Вологодской губернии в первой четверти XIX века

Appanage property in the Vologda province in the first quarter of the XIX century

Примечание. Волости (вол.) и деревни Кузнецового удельного отделения (бывшего имения княгини В. А. Шаховской) в границах после 1808 года (в скобках указано число душ мужского пола по V ревизии). **Сольвычегодский уезд** – 6 волостей, 46 деревень (441): Горская вол. – 15 деревень (112): Абросовская (12), Андреевская (7), Березовская (6), Борброва Горка (11), Бурдово (9), Веселуха (5), Горка (17, 17), Денисовская (5, 3), Константиновская (Игольница, Игольница 7, 9), Остров (8, 5), Пенкино (6), Поповская (4), Табары (7). Турухтиха (5), Усова Горка (3); Григоровская вол. – 3 деревни (60): Григорово (21), Алешино (5), Крутец (34); Нибская вол. – 8 деревень (66): Вороницыно (3), Горка (3), Городище (7), Зарубино (6), Змееватка (3), Козловка (1), Козминская (10), Поздышево (33); Пицкая вол. – 8 деревень (68): Борбово (12), Катаево (6), Княжица (5), Копалиха (5), Кривцово (8), Новина (3), Новодворская (23), Рычково (6); Устьевская вол. – 5 деревень (49): Гнездовская (5), Кичигино (14), Малыцевская (7), Пихтовица (14), Шеинская (9); Шешуринская вол. – 7 деревень (86): деревни Козловка (10), Мокеиха (11), Нероновская (5), Окулово (15), Секиринская (13), Судицино (6), Шешурово (26). **Великоустюгский уезд** – 4 волости, 32 селения (476): Вондокурская вол. – 9 селений (127): село Вондокурское (28); деревни Болтинская (6), Бугино (10), Голышкино (10), Межник (10), Нератово (42), Нестерово (9), Овечкино (10), Федоровская (4); Кузнецовая вол. – 7 деревень (111): Бердиново (10), Выставка (7), Кузнецово (58), Мысок (14), Степанидово (10), Уртомож (5), Филиппово (7); Удимская вол. – 11 деревень (106): Варнавино (17), Горка (1), Деревенъка (7), деревня при мельнице Удим (5), Забелинская (6), Козминская (12), Куимиха (18), Курцово (4), Ленивица (3), Олюшино (25), Соколья Горка (8); Цареконстантиновская вол. – 5 селений (132): село Нокшинское (66); деревни Заямжа (17), Онбово (19), Пазуха (9), Федоровская (21). Всего – 10 волостей, 78 селений (917).

Составлено по: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10, 37; Оп. 10. Д. 773, 587; Оп. 71. Д. 2399–2403.

мум три души мужского пола (далее – д. м. п.) не были включены «в оклад», то есть не уплачивали денежные подати и не выполняли повинности. После оформления сделки в марте 1804 года на уплату княгине В. А. Шаховской 145 тыс. руб. в течение десяти лет «равными долями»⁹ удел решил считать по V ревизии 917 окладных д. м. п. и учитывать 1100 неокладных женских душ (см. таблицу).

В число указанных окладных душ засчитали 15 половников деревни Окуловка и пять половников деревни Нероновская. Они, несмотря на протесты, были «исключены из ведомства казенной палаты» и причислены к уделу (вошли в Шешуринскую волость)¹⁰. Заметим, что указанные половники достались уделному ведомству бесплатно, ибо они не учитывались при определении стоимости владений княгини Шаховской. Другие

половники (не менее 26 душ), работавшие на территории поместья, но проживающие в деревнях за ее пределами, уделу заполучить не удалось, хотя такие попытки предпринимались.

В границах приобретенного имения было создано Кузнецковское отделение Архангельской удельной экспедиции, которое включало 10 волостей: шесть волостей в Сольвычегодском уезде и четыре волости в Великоустюгском уезде. Волости существенно различались. В них бытовало от трех деревень в Григоровской волости до 15 – в Горской волости и насчитывалось от 49 ревизских д. м. п. в Устьевской волости до 132 д. м. п. в Царевоконстантиновской волости (см. карту).

До приобретения новых владений удельные крестьяне Сольвычегодского уезда проживали в Афанасьевском и на части Борецкого приказа, в границах после 1808 года – в Верхотоемском и Афанасьевском приказе (см. карту). По V ревизии в них насчитывалось 240 селений и 4853 д. м. п. После стяжания поместья княгини Шаховской численность удельных селений в Сольвычегодском уезде возросла на 19,2 %, численность крестьян – на 9,1 %, доля ревизских д. м. п. последних среди сельских жителей уезда увеличилась с 17,3 до 18,8 %. С другой стороны, удельные крестьяне впервые появились в Великоустюгском уезде, где они, правда, оставались небольшой группой сельчан, и их доля по V ревизии составляла лишь 1,6 % от крестьянства уезда [7: 313]¹¹.

Еще на стадии завершения сделки с В. А. Шаховской «февраля дня 1804 года» в министерство уделов обратился с прошением

«верноподданейший Вологодской округи деревень Погари, Барановки, Доронина и Желуткина поверенный крестьян Александр Москвинов... вернуть их в перво-бытное состояние (в удел. – П. К.)... из имения коллежской советницы Соколовой»¹².

Считаю, что прошение инициировала сама владелица поместья, так как за несколько дней до его подачи и от нее поступила в удел просьба с формулировкой: «вернуть крестьян в перво-бытное состояние... и дать выгодную цену»¹³. Выяснилось, что в начале 1797 года Павел I «пожаловал надворному советнику Павлу Соколову из дворцовых земель... сто душ» в четырех деревнях, расположенных вблизи Вологды. В 1801 году поменщик умер, не успев даже размежевать земли с теперь уже удельными владениями. При этом в деревнях Желудкино и Погарь по-прежнему обитало три ревизских души удельных крестьян. Вдова Феодосия Соколова, оставшись с четырьмя «малолетними детьми», не смогла наладить хозяйство, нуждалась в средствах и поэтому решила продать деревни¹⁴.

После осмотра собственности и изучения документов удельные чиновники определили, что «имение чисто от внешних споров», в его деревнях проживало «наличных» 102 мужчины (94 ревизских) и 111 женщин и оно пригодно для покупки за 19 650 руб.¹⁵ Некоторое вре-

Число селений, душ, дворов и работников в помещичьих имениях, купленных в Вологодской губернии в 1804 и 1824 годах

The number of villages, souls, farmyards, and workers in landlords' estates purchased in the Vologda province in 1804 and 1824

Именния, год покупки, количество селений	Душ по ревизии			абс. ²	Дворов			Семей	Работников ³
	м.	ж.	всего ¹		дущ на двор	м.	ж.		
Имение Шаховской (1804 год, V ревизия)									
Сольвычегодский уезд – 46 селений	441	550	983 (21,5)	130 (2,8)	3,4	4,2	7,6	137	251
Великоустюгский уезд – 32 селения	476	550	1034 (32,1)	136 (4,3)	3,5	4,0	7,5	144	278
Всего – 78 селений	917	1100	2017 (26,5)	266 (3,4)	3,4	4,1	7,6	281	529
Имение Соколовой (1804 год, V ревизия) – 4 селения	96	111	207 (51,8)	40 (10,0)	2,4	2,8	5,2	44	100
Имение Щербатова (1824 год, VII ревизия)									
Кадниковский уезд – 5 селений	127	119	246 (49,2)	43 (8,6)	3,0	2,8	5,7	46	61
Грязовецкий уезд – 18 селений	407	423	830 (46,1)	138 (7,7)	2,9	3,1	6,0	144	205
Всего – 23 селения	534	542	1076 (46,8)	181 (7,9)	3,0	3,0	6,0	190	266

Примечание: ¹ – в скобках – душ на одно селение; ² – в скобках – дворов на одно селение (дворность селений); ³ – по имению Шаховской и Щербатова – ревизских душ мужского пола, по имению Соколовой – душ обоего пола. Составлено по: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 146 об.–147; 37. Л. 19–187 об.; Оп. 10. Д. 587. Л. 27 об. – 32 об.; Д. 773. Л. 41–106.

мя приобретенное достояние фиксировалось как «кудельные деревни бывшего имения помещика Соколова», пока с начала 1809 года селения не были включены в состав Турундаевской волости (см. карту). Для них, с учетом одного умершего и трех уже проживавших удельных крестьянина, удел определил по V ревизии 96 окладных мужчин и 92 неокладных женщины, которые обитали в 40 домах (см. таблицу). В результате численность удельных крестьян в Вологодском уезде увеличилась до 401 ревизской души, то есть почти на третью – на 31,5 %. Правда, совокупная доля удельных поселенцев среди сельских жителей уезда оставалась малозаметной – немногим более 1,2 % по V ревизии [7: 313]¹⁶.

Спустя два десятка лет, 21 апреля (1 мая) 1824 года, Александр I приказал Департаменту уделов «исполнить» приобретение поместья егермейстера, князя Щербатова в Кадниковском и Грязовецком уездах Вологодской губернии (см. карту). Продававшая имение княгиня Щербатова просила 267 тыс. руб., но после торгов с удельными чиновниками «согласилась получить за оное 200 тыс. рублей с тем, чтобы деньги сии были ей выданы все сполна при совершении купчей крепости»¹⁷.

Поместье Щербатова включало 23 деревни, 3728 дес. земли «в единственном пользовании» и 4760 дес. угодий «в общем владении с разными помещиками». В нем на 1824 год проживало наличных 524 мужчины и 555 женщин¹⁸. По VII ревизии здесь было положено в оклад 534 мужских души и учтено 542 женских души (см. таблицу).

Первая часть купленной вотчины Щербатова располагалась на юге Кадниковского уезда. На этой территории была образована Наремская волость (127 душ), к ней было приписано пять деревень (в скобках указано число д. м. п. по VII ревизии): Дикое (15), Верхняя сторона (63), Нижняя Сторона (13), Починок Березов (28) и Починок Татауров (8). Вторая часть вотчины, на севере Грязовецкого уезда, включала 15 деревень (363 души): Антропово (7), Блещево (6), Демкино (5), Дьяконово (20), Закобякино (58), Ивановская (22), Клыгино (32), Костино (14), Крутец (34), Марково (7), Марково (50), Поповская (51), Стеблово (12), Черногубово (41), Яковлево (4). Эти деревни были включены в Комельскую волость. Третья часть поместья Шаховского составила Обнорскую волость, которая в южной части Грязовецкого уезда охватывала 3 деревни (44 души): Вараксино (12), Маринцино (11), Трусово (21). Все перечисленные волости входили в Турундаевское отделение, образованное в 1808 году (см. карту).

По данным VIII ревизии крестьяне бывшего имения князя Щербатова в Кадниковском уез-

де насчитывали 128 окладных душ, или 19,9 % удельных крестьян, в Грязовецком уезде – соответственно 414 душ, или 93,5 % поселян удельного ведомства¹⁹. В целом по Турундаевскому отделению эти души составляли 34,6 %, или свыше трети окладных удельных крестьян, учтенных по VIII ревизии.

Помещичьи крестьяне после покупки их уделом, оставлялись на прежнем, более высоком крепостном оброке, который в начале XIX века не отличался очень сильно от удельного оброка. Так, в 1804 году крепостные княгини Шаховской в Сольвычегодском уезде выплачивали оброк в среднем по 5,0 руб. с ревизской д. м. п., в Великоустюгском уезде – в среднем по 4,53 руб., тогда как удельные крестьяне Вологодской губернии – по 4,08 руб. с душой. При этом 112 душ крепостных, или 25,9 %, в Сольвычегодском уезде и 259 душ, или 54,4 %, в Великоустюгском уезде имели оброк меньше по сравнению с удельными поселенцами губернии. После увеличения удельного оброка в 1810 году бывшие крепостные княгини Шаховской и помещицы Соколовой стали платить его наравне с удельными крестьянами Вологодской губернии.

Другое наблюдалось спустя двадцать лет, когда крепостные вотчины князя Щербатова были оставлены на прежнем двадцатирублевом душевом окладе, тогда как удельным крестьянам Вологодской губернии с 1824 года душевой оброк хоть и повысили, но только до восьми рублей. Объяснимо, что бывшие крепостные князя Щербатова стали жаловаться и просить о снижении окладов до уровня удельных крестьян²⁰. При этом с 1827 года Департамент уделов значительно ограничил отход своих крестьян на заработки и возможности для занятий промыслами. В удельной деревне Вологодской губернии именно эти виды неземледельческих занятий являлись основным источником получения денежных средств, необходимых для уплаты податей [8]. Вероятно, это обстоятельство учли в удельном ведомстве и задним числом с начала 1827 года бывшим крестьянам имения князя Щербатова удельный оклад уменьшили до 15 руб.²¹ Попытки крестьян понизить уровень и этого оклада продолжались. Эти попытки актуализировались в середине 1830-х годов, когда удел в рамках «политики попечительства» стал увеличивать иные денежные сборы, вводить новые ограничения и усиливать контроль за хозяйственной деятельностью крестьян [1], [9]. Однако бывшие крепостные князя Щербатова так и платили повышенный оброк вплоть до введения в начале 1840-х годов в удельной деревне Вологодской губернии так называемого поземельного сбора.

Отметим, что княгине В. А. Шаховской за каждую ревизскую д. м. п. удел с 1805 по 1814 год выплачивал ежегодно по 15,81 руб., помещице Ф. Соколовой – по 20,47 руб., тогда как владельцы вотчины князя Щербатова получали сразу всю сумму. Именно поэтому, как упоминалось, плата за их вотчину и была снижена на 67 тыс. руб.

Однако указанные суммы определялись в бумажных деньгах, курс которых относительно серебра в первые полтора десятилетия XIX века неуклонно понижался и относительно стабилизировался лишь с 1816 года. В 1805 году один руб. ассигнациями (далее – acc.) на Санкт-Петербургской бирже равнялся 73 коп. серебром (далее – сер.), в 1815 году – 20 коп. сер., в 1824 году – 26,5 коп. сер. [11: 37]. Поэтому за каждого крепостного князиня Шаховская в 1805 году получила первую выплату в размере 11,54 руб. сер. за ревизскую душу, последнюю выплату в 1814 году – 3,16 руб. сер., помещица Соколова – соответственно 14,94 руб. сер. и 4,09 руб. сер. Всего в 1805–1814 годах княгиня В. А. Шаховская получила за каждую ревизскую душу своих крепостных номинально 158,12 руб. acc., с учетом средневзвешенного курса рубля – 63,96 руб. сер., помещица Ф. Соколова соответственно – 204, 69 руб. acc. и 82,80 руб. сер. Последняя при сделке с уделом получила с души проданных крепостных большую сумму в связи с тем, что деревни ее имения располагались вблизи губернского центра, где земля ценилась дороже и крестьяне имели лучшие возможности для заработка и сбыта товаров. Больше упомянутых владельцев имений выгадали хозяева вотчины князя Щербатова, которые в 1825 году сразу получили за каждую ревизскую душу крепостных номинально по 374,53 руб. acc., по реальному курсу – 98,87 руб. сер. Если бы подобное было осуществлено для сделок в 1804 году, княгиня Шаховская получила бы с каждой ревизской душой своих крепостных, с учетом курса ассигнаций, по 115,43 руб. сер., помещица Ф. Соколова – по 149,42 руб. сер., они, напротив, выгадали бы относительно сделки удела с владельцами вотчины князя Щербатова.

Материалы таблицы свидетельствуют, что в начале XIX века в имении княгини Шаховской на территории Сольвычегодского уезда в среднем на одно селение приходилось 2,8 двора. Более существенная дворноть селений наблюдалась в Великоустюгском уезде, где в среднем на одну деревню доводилось 4,3 двора. Дворноть селений была еще более высокой в южных уездах Вологодской губернии. Например, в имении Ф. Соколовой она достигала в среднем по 10,0 двора

на одну деревню, в вотчине князя Щербатова в Кадниковском уезде – 8,6 двора, в Грязовецком уезде – 7,7 двора на одно селение. Более высокая дворноть селений в южных уездах относительно северных районов наблюдалась в государственной деревне и в целом по сельским поселениям Вологодской губернии [7: 110–113], [10: 21].

Понятно, что дворноть купленных помещичьих селений объясняла показатели их людности. Так, в начале XIX века в имении княгини Шаховской на территории Сольвычегодского уезда в среднем в одной деревне проживали 21,5 души обоего пола. Соответственно более высокая дворноть деревень определила и более многолюдные селения в Великоустюгском уезде, где фиксировали по 32,1 души в среднем на одну деревню, в имении Ф. Соколовой – в среднем по 51,8 души на одну деревню. Последние показатели вполне соотносились с показателями по удельной деревне Вологодского уезда (59,3 души на одно селение), но отличались от удельной деревни Сольвычегодского уезда, где в среднем на селение приходилось 41,4 души. Более значительными выглядели указанные показатели, правда, по VII ревизии в вотчине князя Щербатова на одно селение в Грязовецком уезде приходилось 46,1 души обоего пола, в Кадниковском уезде – 49,1 души (см. таблицу). Эти данные были сопоставимы с данными в целом по упомянутым уездам и удельной деревне Вологодской губернии [7: 110–113], [10: 21].

Примечательно, что достаточно малолюдными выглядели дворы в поместье помещицы Соколовой, где в среднем на двор приходилось всего 4,7 души обоего пола, тогда как в вотчине Шаховской – около 7,6 души и в имении князя Щербатова (по VII ревизии) – по 6,0 души обоего пола (см. таблицу). Сравнимой выглядела людность дворов по удельной деревне Вологодской губернии, в которой в конце XVIII века в среднем на двор приходилось 6,4 души обоего пола [10: 21]. Считаем необходимым указать, что доля работников среди помещичьих крепостных примерно соответствовала доле работников в удельной деревне Вологодской губернии и составляла около или немногим более половины от численности крестьян (см. таблицу) [10: 20].

Данные таблицы показывают, что в помещичьих имениях число семей превосходило количество дворов, то есть в некоторых дворах вынуждены были проживать по две самостоятельных семьи. В Сольвычегодском уезде фиксировалось семья таких семей, или 5,1 %, в Великоустюгском – 8 семей, или 5,7 %, в поместье Ф. Соколовой – 4 семьи, или 9,1 %. Заметим, что такое явление было характерно и для удельной деревни Севера, в которой показатели совместного про-

живания нескольких семей в одном дворе стали нарастать после введения упомянутой «политики попечительства» удела [1], [9], [10: 21].

Отметим, что архивные источники о покупке уделом помецических имений в Вологодской губернии содержат важные материалы о пашенных, сенокосных и лесных угодьях, об обеспеченности крепостных птицей, рабочим и продуктивным скотом и некоторые другие данные. Однако указанные сведения требуют специального анализа, как минимум в рамках отдельной статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение первой четверти XIX века удельное ведомство совершило в Вологодской губернии три сделки по приобретению помещичьей недвижимости и крепостных. В результате в 1804 году удел увеличил собственность и численность удельных крестьян в Сольвычегод-

ском уезде, почти на треть умножил число своих поселян в Вологодском уезде и создал владения еще в одном, Великоустюгском, уезде. После покупки в 1824 году очередного поместья в Вологодской губернии Департаменту уделов удалось обеспечить прирост пятой части своих крестьян в Кадниковском уезде и создать две новых удельных волости в Грязовецком уезде. При продаже более высокую прибыль в расчете на одного крепостного получили владельцы вотчины князя Щербатова, хотя наиболее экономически выгодным было расположение деревень имения помещицы Ф. Соколовой, которые находились вблизи губернского центра. Закономерно, что наименьшую выгоду в расчете на продаваемого крепостного получила княгиня В. А. Шаховская, владения которой были разбросаны в отдаленной восточной части Вологодской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). Т. XXIV. № 17906. С. 525–569.
- ² Боголюбов В. А. Удельные крестьяне // Великая реформа: В 6 т. Т. 2. М., 1911. С. 294–364; История уделов за столетие их существования. 1797–1897 гг.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1901. 723 с.; Т. 2. 581 с.
- ³ История уделов... Т. 1. С. 215–222.
- ⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18423. С. 126; Т. XXX. № 23020. С. 226–258; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33861. С. 451–452.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ⁶ Там же. Д. 10. Л. 22–25 об.
- ⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸ Там же. Л. 146 об.–147.
- ⁹ Там же. Л. 182–183 об.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 7. Д. 10. Л. 1–148; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹² Там же. Оп. 7. Д. 37. Л. 1 об.
- ¹³ Там же. Л. 2–2 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 14 об., 73; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 7. Д. 37. Л. 1–73; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Оп. 10. Д. 773. Л. 1, 8, 41–106.
- ¹⁹ Сравнения проводятся по данным VIII ревизии в связи с тем, что исследователи считают сведения VII ревизии по уездам и губерниям недостоверными. Конечно, это не относится к учету душ по отдельным селениям или помещичьим имениям.
- ²⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 773. Л. 221.
- ²¹ Там же. Л. 227.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриценко Н. П. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. 1958. № 10. С. 249–287.
2. Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки). Грозный, 1959. 585 с.
3. Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.). СПб., 2006. 284 с.
4. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII в. М., 1964. 352 с.
5. История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. 432 с.
6. Ковалевченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. 400 с.
7. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. 416 с.
8. Котов П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 149–155.
9. Котов П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 103–107.

10. Котов П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 18–22.
11. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. 301 с.
12. Никулина Н. Ю. Ликвидация удельной земельной собственности в России // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 38–45.
13. Половинкин Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков). Тюмень, 1992. 142 с.

Поступила в редакцию 14.12.2020; принята к публикации 22.03.2021

Original article

Petr P. Kotov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

EXPANSION OF APPANAGES IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

A b s t r a c t. Appanage property existed in Russia for 120 years; during the period from 1797 to 1863 it included state peasants. The issue of the expansion of appanage property both in the country as a whole and in its separate regions is poorly studied, particularly concerning the period of existence of the category of state peasants. The analysis of the identified archival documents shows that in the first thirty years of its existence the Appanage Department bought three noble families' estates in the Vologda province. In March of 1804, it concluded the largest deal in the province by purchasing the patrimonial estate of Princess V. A. Shakhovskaya. Thus, the Department significantly increased the number of state peasants in the Solvychegodsk uyezd and created possessions in the Veliky Ustyug uyezd. Due to the purchase of F. Sokolova's estate in the same year, the Department tripled the number of its peasants in the Vologda uyezd. After purchasing Prince Shcherbatov's estate in 1824, the number of appanage settlers in the Kadnikovsky uyezd increased almost fivefold, and two new appanage volosts (administrative districts) were formed in the Gryazovets uyezd. The purchased estates not only increased the appanage property in the Vologda province, but also introduced some changes in the life of the appanage village. The materials presented in the paper actualize the need to identify and study all cases of purchasing land and peasants, including such cases in various regions of Russia.

Key words: Vologda province, appanage possessions, appanage villages, state peasants, purchase of estates, available souls, taxpayers

For citation: Kotov, P. P. Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

REFERENCES

1. Gritsenko, N. P. The policy of feudal “patronage” of the Appanage Department over the peasants. *Proceedings of the Chechen-Ingush Pedagogical Institute*. 1958;10:249–287. (In Russ.)
2. Gritsenko, N. P. The Tsar's family's peasants of the Middle Volga region. Essays. Grozny, 1959. 585 p. (In Russ.)
3. Dunaeva, N. V. The Tsar's family's peasants as the subjects of the Russian Empire law (between the late XVIII and the first half of the XIX centuries). St. Petersburg, 2006. 284 p. (In Russ.)
4. Indova, E. I. The royal court economy in Russia. The first half of the XVIII century. Moscow, 1964. 352 p. (In Russ.)
5. History of northern peasantry. Vol. 1. Arkhangelsk, 1984. 432 p. (In Russ.)
6. Kovalchenko, I. D. Russian serfdom in the first half of the XIX century. Moscow, 1967. 400 p. (In Russ.)
7. Kolesnikov, P. A. Northern villages between the XV and first half of the XIX centuries. Vologda, 1976. 416 p. (In Russ.)
8. Kotov, P. P. Peculiarity of seasonal work of Tsar's family peasants in the European North of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*. 2012;3:149–155. (In Russ.)
9. Kotov, P. P. The supervising of Tsar's apanage and its results: the example of the Russian European North. *Bulletin of Udmurt University. Series 5: History and Philology*. 2012;3:103–107. (In Russ.)
10. Kotov, P. P. Tsar's family peasants in European North of Russia: distribution and demographic processes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2013;1(130):18–22. (In Russ.)
11. Mironov, B. N. Grain prices in Russia over two centuries (XVIII–XIX centuries). Leningrad, 1985. 301 p. (In Russ.)
12. Nikulina, N. Yu. Liquidation of appanage land property in Russia. *Northwest in the agricultural history of Russia*. Kaliningrad, 1986. P. 38–45. (In Russ.)
13. Polovinkin, N. S. Palace (state) peasants of the Middle Volga region and the Trans-Urals (between the second half of the XVI and first half of the XIX centuries). Tyumen, 1992. 142 p. (In Russ.)

Received: 14 December, 2020; accepted: 22 March, 2021